

Е. Алиевская
Научный руководитель:
к. филол. н., доцент
О.Н. Турышева

ФЕНОМЕН ЛИТЕРАТУРНОГО ТРУДА В ПИСЬМАХ КАФКИ К ФЕЛИЦЕ БАУЭР: МЕТАФОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сегодня большинство исследователей не сомневаются, что письмо писателя может быть фактом литературы. Во-первых, оно характеризует личность автора, создает его автопортрет (заметим, что автопортрет этот – не точная фотография, а литературный образ). Во-вторых, его можно рассматривать как абстрактный художественный текст. Письма писателя, как правило, несут на себе отпечаток его стиля, а порою даже служат лабораторией творческих экспериментов. Таким образом, на основе писем вполне правомерно изучать художественные средства создания писателем своей самохарактеристики.

Богатый материал для этого дают письма Франца Кафки: неповторимый стиль писателя весьма ярко проявляется и в его письмах, а личность этого человека до сих пор вызывает большой интерес читателей и ученых. Для исследования были выбраны письма Кафки к берлинской девушке Фелице Бауэр, написанные в интервале 20.09.1912 – 23.03.1913, то есть между первой и второй встречей. На данный период приходится примерно половина писем Кафки Фелице (всего он написал ей 350 писем и 150 открыток). Эти семь месяцев общения между респондентами было, как бы сказали сейчас, исключительно виртуальным – таким образом, «литературность» этих писем обозначена априори. Из обширного арсенала художественных средств, которые использует Кафка, мы рассмотрим метафоры.

Метафоры, встречающиеся в письмах Кафки Фелице Бауэр, можно условно разбить на три тематические группы:

- метафоры, касающиеся литературного творчества;
- метафоры, раскрывающие отношение Кафки к жизни вообще и к бытовым ее подробностям в частности;
- метафоры, характеризующие отношения Кафки и Фелицы и их переписку.

Остановимся подробнее на высказываниях Кафки относительно литературного труда. Они представляют тем больший интерес, что как раз этот период (осень-зима 1912-13 гг.) был для Кафки творчески весьма плодотворным: написан рассказ «Приговор», несколько глав романа «Америка», большая новелла «Превращение». Выделим основные мотивы, звучащие в метафорах, посвященных литературному труду. В ряде случаев разумно включить сюда также метафоры, относящиеся к письмам, если наблюдается сходство выявленных закономерностей. Следует заметить, что хотя Кафка и понимал под словом «писательство» нечто весьма определенное (литературный труд), абсолютно четкой границы между писанием писем и писанием романов в его сознании не существует (см., например, такое высказывание: "...das ganze heutige Schreiben an meinem Roman war nichts anders als unterdrückte Lust, Dir zu schreiben" [3:187] – «вся моя сегодняшняя возня с романом¹ была не чем иным, как подавленным желанием написать тебе» [2:146]).

1. Мотивы, связанные с огромной важностью писательства, его жизненной значимостью для Кафки, его возвышенностью, невозможностью существовать без него

¹ Здесь и далее имеется в виду роман «Америка».

(в том числе и физически), вплоть до параллели «писательство – жизнь, творческий простой – смерть»: "... schreibe aber nur soviel, dass es knapp ausreicht, mich den morgigen Tag überstehen zu lassen" [3:176] – «... я пишу так мало, что написанного едва хватит, чтобы пережить завтрашний день» [2:137]; "... ich fühle, wie ich mit unpnachgiebiger Hand aus dem Leben gedrängt werde, wenn ich nicht schreibe" [3:197] – «... я прямо чувствую, как меня выталкивает из жизни, когда я не пишу» [2:156] (точнее: «чувствую, как неуступчивая рука вытесняет меня из жизни»). Еще пример: "... ich setze mich vielleicht zum Schreiben nieder und schiebe etwas Ordentliches, das mich aus der Vertiefung, in die ich merklich versinke, mit einem Mal in die Höhe reißen könnte" [3:292] – «... может, я сел бы за стол и написал бы что-то стоящее, что одним махом вытащило бы меня на самый верх из той ямы, в которой я все заметнее погрязая» [2:238]. Заметим, что в письмах Кафки оппозиция верх – низ весьма заметна. «Низ» – это некая яма, пропасть, глубина отчаяния, где, как правило, пребывает сам Кафка. Напротив, «верх» – это более высокий уровень, где находятся другие, более удачливые люди. Вдохновение также является с неба, то есть сверху: "... ohne etwas fertigzubringen, wache ich aus alter Gewohnheit, als ob ich auf den ausbleibenden Himmelregen warte" [3:293] – «... ничего не создавая, я все еще по старой привычке бодрствую, словно в ожидании благодатного дождя, который непременно должен пролиться с небес» [2:240]. Этот «верх» представляется Кафке чем-то желанным, но труднодостижимым, куда он тщетно стремится. Архетипические представления о верхе и низе в принципе совпадают с картиной Кафки: хорошие существа находятся наверху, плохие – внизу. Как правило, внизу находится и царство мертвых. Таким образом, Кафка снова приходит к идее, что творчество может спасти его от смерти и вытащить на свет божий. Без творчества он обречен на гибель либо самое жалкое существование: "Schrieb ich aber nicht, dann lag ich auch schon auf dem Boden, wert hinausgekehrt zu werden" [3:65] – «Но, не будь этих попыток <писательства>, я бы давно опустился и стал мусором, достойным лишь веника и совка» [2:36] (точнее: «Но если бы я не писал, я бы уже лежал на дне (вариант: «на полу»), достойный быть выметенным наружу»).

Заметим, что мысль «писательство – это вся моя жизнь» Кафка неоднократно высказывал не только в виде метафор, но и напрямую. В одном из первых писем Фелице он признается: "Meine Lebensweise ist nur auf das Schreiben hin eingerichtet" [3:66] – «Жизнь моя всецело подчинена писательству» [2:37] 21 августа 1913 г. он пишет в дневнике: «Я весь – литература и ничем иным не могу и не хочу быть» [1:190].

2. Писательство также выполняет для Кафки роль убежища. В письме, датированном 29-30 ноября 1912 г., это некое уютное, защищенное, замкнутое пространство: "Man kann mich doch nicht ganz aus dem Schreiben hinauswerfen, wenn ich schon einigemal dachte, in seiner Mitte, in seiner besten Wärme zu sitzen" [3:143] – «Меня нельзя напрочь выбросить из писательства, раз уж я несколько раз, как мне кажется, оказывался в самой его сердцевине и грелся его теплом» [2:107]. В письме от 14-15 декабря 1912 г. это пространство конкретизируется. Возникает образ подвала: "Schreiben heiß ... ja sich öffnen bis zum Übermaß... Was von dieser Oberfläche ins Schreiben hinübergenommen wird – wenn es nicht anders geht und die tiefern Quellen schweigen – ist nichts und fällt in dem Augenblick zusammen, in dem ein wahres Gefühl diesen obern Boden zum Schwanken bringt. Deshalb kann man nicht genug allein sein, wenn man schreibt, deshalb kann es nicht genug still um einen sein ... die Nacht ist noch zu wenig Nacht. ... Oft dachte ich schon daran, dass es die beste Lebensweise für mich wäre, mit Schreibzeug un einer Lampe im innersten Raume eines ausgedehnten, abgesperrten Kellers zu sein. Das Essen brächte man mir, stellte es immer weit von von meinem Raum entfernt hinter der äußersten Tür des Kellers nieder. Der Weg um das Essen, im Schlafrock, durch alle Kellergewölbe hindurch wäre mein einziger Spaziergang. Dann kehrte ich zu meinem Tisch zurück, würde ... wieder gleich zu schreiben anfangen. Was ich dann schreiben würde! Aus welchen Tiefen ich es hervorreißen würde! ... Was meinst Du, Liebste? Halte Dich vor dem Kellerbewohner nicht zurück!" [3:250]

– Писать – это ведь раскрываться до самого дна... Все, что с этой поверхностной плоскости ты переносишь в писательство – если уж иначе не получается и более глубокие родники в тебе молчат – все это ничто и распадается в прах в тот самый миг, когда более истинное чувство поколеблет в тебе эту первую поверхностную оболочку. Вот почему никакого одиночества не хватит, когда пишешь, и любой тишины мало, ... и никакая ночь не бывает достаточно темна. ... Я часто думаю, что лучшим образом жизни для меня было бы, если бы меня заперли с пером, бумагой и лампой в самом дальнем помещении длинного подвала... Еду пусть бы мне приносили и ставили от моей комнаты как можно дальше, при входе в подвал. Поход за едой, в халате, минуя все подвальные своды, был бы единственной моей прогулкой. Потом я возвращался бы за стол... и снова принимался бы писать. Ах, что бы я тогда написал! Из каких глубин бы черпал! ... Что скажешь, любимая? Не чурайся подвального жителя!» [2:201-202]. Это самая развернутая из метафор, посвященных писательству. В пространстве писательства появляется наряду с «верхом» и «низом» третье измерение – глубина. С одной стороны, речь идет о глубине по отношению к писателю: произведение выйдет удачным, только если автор черпает материал не с «поверхностной плоскости», а из самых недр своего существа, «из глубоких родников». С другой стороны, самому писательству свойственна глубина по сравнению с обыденной жизнью. Отсюда метафора подвала. На первый взгляд, может показаться, что Кафка просто мечтает об идеальных условиях для литературного творчества. Но, называя себя «подвальным жителем», он переводит восприятие этого образа в другую плоскость: подвал – это и есть писательство, то самое, в сердцевине которого Кафка несколько раз себя ощущал (см. предыдущую метафору). Подвал – это полное самоотречение от мира, пространство замкнутое, находящееся на глубине. Безусловно, мотив «низа» здесь так же присутствует, но на сей раз негативного оттенка он не несет. Возможно, как раз из-за третьего – глубинного – измерения (одно дело – плоское дно, другое – убежище, нора, подвал). Спустя несколько дней Кафка возвращается к образу подвала. Обращаясь к себе самому, он сетует: “Du brauchst den Keller, wenn es dir auch z.B. heute scheint, dass nicht einmal der Keller dir nützen würde. ... Wobei man allerdings zugeben muss, dass ein Keller und nichts als ein Keller ein traugiger Besitz ist” [3:256] – Тебе и в самом деле самое место в подвале, хоть тебе и кажется сегодня, что даже подвал тебе уже не поможет. ... Хотя, несомненно, приходится признать, что именно подвал, и ничего, кроме подвала, – это и впрямь весьма прискорбное имущество» [2:207]. Повторение конкретного метафорического образа – случай для писем Кафки довольно редкий и свидетельствует об исключительной важности этого образа для автора.

3. Писательство для Кафки – это еще и ремесло, «работа», как в позитивном, так и в негативном смысле. Себя же он уподобляет некому предмету, а именно «рабочему инструменту» в «длани высшей силы» – инструменту, оптимально приспособленному к выполнению функции писательства: “... ist auch sonst nichts an mir, was man in Rücksicht auf das Schreiben Überflüssiges ... nennen könnte. Gibt es also eine höhere Macht? Die mich benützen will oder benützt, dann liege ich als ein zumindest deutlich ausgearbeitetes Instrument in ihrer Hand...” [3:64-65] – «... во мне нет ничего излишнего, что мешало бы писательству... Так что если есть некая высшая сила, которая хочет использовать меня или уже использует, то, значит, я по крайней мере лежу в ее длани уже довольно подержанным орудием...» [2:37] (наиболее адекватный перевод выражения *ausgearbeitetes Instrument* – «рабочий инструмент», а вовсе не «довольно подержанное орудие»). Причем писательство как ремесло Кафка отнюдь не идеализирует: “An meinem Roman schreibe ich seit 3 Tagen ganz wenig, und das wenige mit Fähigkeiten, die vielleicht gerade zum Holzhacken genügen würden, aber nicht einmal zum Holzhacken, höchstens zum Kartenspielen. Nun, ich habe mich eben in letzter Zeit ... an den Füßen aus dem Schreiben herausgezogen und muss mich nun wieder mit dem Kopf einbohren” [3:264] – «Роман уже дня три подвигается совсем мало, и даже это малое пишется с

одаренностью, пригодной разве что дрова колоть, впрочем, такой сноровки и на колку дров не хватит, от силы на картежничество. Что ж, я сам в последнее время ... за ноги вытаскивал себя из сочинительства, теперь надо снова ввинчиваться в него головой» [2:214]. Способность сочинять сравнивается с колкой дров, то есть примитивной физической работой – причем последняя представляется чуть ли не более сложной. Себя же Кафка уподобляет своеобразному инструменту, который «ввинчивается головой» в сочинительство, и его «вытаскивают оттуда за ноги».

Только один раз Кафка отзывается о писательстве как о чем-то негативном, уподобляя его работе в бюро (о ней Кафка всегда отзывался резко отрицательно, считая, что работа эта его убивает): “Manchmal glaube ich fast zu hören, wie ich von dem Schreiben auf der einen Seite und von dem Bureau auf der anderen geradezu zerrieben werde” [3:153] – Иногда, мне кажется, я прямо слышу, как писательство с одной стороны и контора с другой буквально перетирают меня, словно жернова» [2:116] (точнее: «как писательство с одной стороны и контора с другой прямо-таки растирают меня в порошок»). И писательство, и работа – враждебные механические силы, способные уничтожить автора. Происходит метаморфоза: теперь уже писательство выступает как рабочий инструмент, а Кафка – как рабочий материал. Однако и в этом случае образный ряд не выходит за рамки «ремесленной» тематики.

4. Литературное произведение (а также его отдельная часть) – это существо (изредка предмет), обладающее собственной волей, своенравным характером и способностью жить и двигаться независимо от автора; отношения между этим существом и автором могут быть самыми разнообразными. Метафор такого рода у Кафки особенно много. Вот несколько примеров.

“Gestern habe ich eine kleine Geschichte angefangen, die mir so sehr am Herzen lag und sich mit einem Schlag vor mir zu öffnen schien, heute verschließt sie sich völlig” [3:204] – «Вчера начал одну маленькую историю, она давно у меня на душе и, казалось, раскрылась сразу же и вся, так сейчас она снова замкнулась от меня напрочь»; “Der Roman ist ein wenig wieder vorwärts geschoben, ich halt mich an ihn, da mich die Geschichte abgewiesen hat” [3:207] – «Роман опять немного продвинулся, держусь его, раз уж история меня не подпускает» [2:165]; . “Gestern habe ich eine kleine Geschichte angefangen, sie ist noch so klein, steckt kaum den Kopf hervor, es lässt sich nichts sagen” [3:320] – «Вчера начал маленькую историю, она, правда, еще совсем крохотная, голова едва выглядывает, так что о ней еще ничего сказать нельзя» [2:264]; “... ich bin ...inzwischen von meiner Geschichte fast gänzlich abgeworfen worden ” [3:322] – «... история моя тем временем почти окончательно меня от себя отронила» [2:265]; “Dass es sich nicht ständig halten lässt, sondern sich einem eben wie ein Lebendiges unter den Händen windet” [3:229] – «Каждый раз одно и то же – ну не дает себя удержать, ускользает из рук, словно что-то живое!»² [2:184] (точнее: «извивается в руках, как живое существо»).

Более того, произведение может воздействовать на своего создателя, доказывая превосходство своей свободной воли: “Mein Roman! Ich erklärte mich vorgestern abend vollständig von ihm besiegt. Er läuft mir auseinander, ich kann ihn nicht mehr umfassen...” [3:271] – «Мой роман! Вчера вечером я объявил свою полную перед ним капитуляцию. Он расплзается у меня под руками, я больше его не удерживаю...» [2:220]. Порою написанное способно причинить автору вполне реальные неприятности: “... denn ich habe förmlich Finger noch schmutzig von einer widerlichen, mit besonderer ... Natürlichkeit aus mir fließenden Szene” [3:186] – «... потому что у меня еще буквально все пальцы в грязи от живописания омерзительной сцены, вытекающей из меня с особой ... естественностью» [2:146]. Более того, творение способно даже уничтожить своего создателя: “Der letzte Brief ..., der war – verzeih den Ausdruck – erbrochen; ... er fiel mir ... als ein einziger, in schrecklicher Spannung sich befindlicher Satz, der mich töten zu wollen

² Речь идет о романе.

schien, wenn ich ihn nicht niederschrieb" [3:90] – «Последнее письмо ... его из меня, прости за выражение, вырвало; ... оно ... предстало мне ... как одно-единственное, какой-то страшной силой сжатое предложение, которое, казалось, готово убить меня на месте, если я его не запишу» [2:59]. Кстати, произведение может ассоциироваться у Кафки не только с убийцей, но и с могилой: "Schließlich kann es keinen schönern ... Ort für das Sterben geben als einen eigenen Roman" [3:231] – «В конце концов, для смерти ... нет места ... краше, чем собственный роман» [2:185].

Итак, мы проанализировали группу метафор, характеризующих отношение Кафки к литературному творчеству. Писательство для Кафки крайне значимо, жизнь без него попросту немыслима. Творческий процесс – это, с одной стороны, обыкновенное ремесло, а с другой – своеобразное убежище, где можно укрыться от внешнего мира. Литературные произведения Кафка уподобляет существам, живущим своей собственной жизнью; более того, они способны воздействовать на создателя. Как известно, Кафка завещал сжечь большую часть написанного им. Метафорика его писем подтверждает, что отношение писателя к своим литературным творениям было весьма неоднозначным.

Литература

1. Кафка Ф. Дневники. Путевые дневники. Письмо отцу. Завещание. М., 2005.
2. Кафка Ф. Письма к Фелици. М., 2004.
3. Kafka F. Briefe an Felice und andere Korrespondenz aus der Verlobungszeit. Frankfurt-am-Main, 2003.

В. Валитова
Научный руководитель:
к. филол. н., доцент
Е.Е. Приказчикова

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В РОМАНЕ МАРИИ СЕМЕНОВОЙ «ВАЛЬКИРИЯ»

В сказках, былинах и поговорках много говорилось о женской силе. Впервые в XVIII веке была предпринята попытка воссоздать фольклорные образы в художественных текстах. С конца XVIII - начала XIX вв. в русскую литературу все более активно начинают проникать элементы фольклора. Например, это происходит у М. Чулкова в сборнике "Пересмешник, или Словенские сказки" [1]. Сюжеты представляли собой смесь из разных жанров: былинные богатыри действовали в сказочных ситуациях, часто дополненных атрибутами западных рыцарских романов и героических поэм. Там же впервые появляется художественный образ женщины-богатырки, царь-девицы.

По мнению Ю. Лотмана («Беседы о русской культуре»), в литературе 18-19 в. существует три типа женских образов: «Ангельский» - образ нежно любящей женщины с тонкостью натуры, идеальным чувством, нежностью, жизнь и чувства которой разбиты; «Демонический характер» - в литературе ассоциировался с героическим образом «беззаконной кометы», смело разрушающей все условности созданного мужчиной мира. Наибольший интерес для нас представляет образ женщины-героини – типический литературно-бытовой образ эпохи. Характерная его черта – включенность в ситуацию противопоставления героизма женщины и духовной слабости мужчины (впервые в литературе отражается А. Радищевым в «Песни исторической»; потом следуют Орлеанская дева В. Жуковского, некоторые героини М. Лермонтова и др.). Ю.